

БЕССТЫДНИЦЫ

Мунира
Вагина

18+

Мунира Вагина

Бесстыдницы

<https://litres.ru/74493137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада и Майя привыкли жить без оглядки на чужое мнение. Однажды случайно брошенное вслед слово «бесстыдницы» становится их личным девизом, а летний спор — правилом жизни: не отказываться от желаний только потому, что «так не принято», и никогда не лгать друг другу из-за мужчины.

Но море, новые знакомства и две истории любви постепенно превращают безобидную игру в опасную проверку, после которой Ладе и Майе придётся решить, что для них важнее — гордость, мужчина или десять лет дружбы.

«Бесстыдницы» — эмоциональный роман о женской дружбе, страсти, страхе близости и праве выбирать собственную жизнь. Это история двух женщин, которые только через ошибки поняли, что самое трудное — не уйти первой, а остаться, сказать правду и позволить себе любить.

«Бесстыдницы» для тех читателей, кто любит глубокие истории о женщинах, свободе и выборе.

Содержание

Глава 1. Хорошее слово	4
Глава 2. Лето без стыда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бесстыдницы

Глава 1. Хорошее слово

Лада Миронова опоздала на собственный день рождения на двадцать три минуты и вошла в ресторан так, будто именно этого от неё и ждали.

Она не торопилась. Не оглядывалась. Не поправляла платье, хотя тонкая чёрная ткань обнимала фигуру почти вызывающе точно. Высокие каблуки звонко отмеряли шаги по мраморному полу, и несколько мужчин за столиками повернули головы прежде, чем успели сделать вид, будто ничего не заметили.

Лада заметила всех.

Просто не подала вида.

— Наконец-то, — сказала Майя, когда подруга подошла к столику. — Я уже решила, что именинница сбежала от собственной вечеринки.

— От вечеринки? Никогда. От гостей — возможно.

Майя встала, обняла её и быстро поцеловала в щёку. На ней было светлое платье с открытой спиной и длинными рукавами, рыжие волосы собраны небрежно, будто она потратила на причёску три минуты. Лада знала: на самом деле Майя возилась с ней почти час.

— Тридцать один, — торжественно произнесла Майя. —

Опасный возраст.

— Для кого?

— Для мужчин.

— Тогда пусть соблюдают технику безопасности.

Они рассмеялись.

За столом уже сидели четыре человека: две знакомые Лады по работе, её старый приятель Игорь и девушка Игоря, которую Лада видела второй раз в жизни и имени всё ещё не помнила. На краю стола стояло ведёрко со льдом и бутылкой шампанского, бокалы блестели в мягком свете, а за панорамными окнами Москва медленно уходила в тёплый июньский вечер.

Лада села рядом с Майей.

— Я заказала тебе устрицы, — сказала та.

— За что ты меня так не любишь?

— Ты вчера говорила, что хочешь устриц.

— Вчера я хотела мужчину в белой рубашке из кофейни напротив офиса. Сегодня я его тоже хочу, но это не значит, что его надо подавать на льду.

Игорь прыснул в бокал.

— Лада, ты неисправима.

— Исправляют ошибки. Я — удачная версия.

Её всегда любили за эту лёгкость. Или ненавидели за неё — иногда Лада не видела между этими чувствами большой разницы.

Она умела входить в помещение так, чтобы воздух немно-

го менялся. Умела разговаривать с мужчинами, не опуская глаз, и с женщинами — не притворяясь скромнее, чем была. Никогда не говорила «ой, да что вы» в ответ на комплимент и не отмахивалась от восхищения, если оно ей нравилось.

— Красивое платье, — заметила девушка Игорья.

— Я знаю, — ответила Лада и тут же улыбнулась, чтобы слова не прозвучали как удар. — Поэтому и купила.

Девушка несколько секунд смотрела на неё, потом тоже улыбнулась.

Майя наклонилась к Ладе:

— Когда-нибудь тебя за это убьют.

— За честность?

— За отсутствие женского ритуала. Ты должна была сказать, что оно старое, куплено на распродаже и вообще ты сегодня ужасно выглядишь.

— Никогда.

Официант разлил шампанское. Игорь поднял бокал.

— Я приготовил тост.

— Короткий? — спросила Лада.

— Очень.

— Тогда разрешаю.

— За то, чтобы ты наконец встретила мужчину, который тебя выдержит.

— Плохой тост.

— Почему?

— Я не чемодан. Меня не надо выдерживать.

— Тогда за мужчину, которого выдержишь ты.

— Уже лучше.

Они чокнулись.

Лада сделала глоток и посмотрела на Майю. Та смеялась, но взгляд её скользнул куда-то за плечо Лады. Через секунду она едва заметно приподняла бровь.

— Не поворачивайся сразу.

Лада поставила бокал.

— Уже хочу повернуться.

— За тобой столик. Синий пиджак.

— Женат?

— Кольца не вижу.

— Это ещё ничего не значит.

— Смотрит на тебя минут пять.

— Тогда почему до сих пор сидит?

Майя усмехнулась.

— Может, боится.

Лада медленно повернула голову.

За соседним столом сидели двое мужчин и женщина. Один из мужчин — лет тридцати пяти, в действительно синем пиджаке — поймал её взгляд и сразу улыбнулся. Не виновато, не смущённо. Уверенно.

Лада улыбнулась в ответ и отвернулась.

— Симпатичный, — сказала она.

— И?

— И ничего.

— Ты больна?

— У меня день рождения. Сегодня я могу позволить себе быть разборчивой.

— Ты и в обычные дни ничего себе не запрещаешь.

— Ошибаешься.

Майя посмотрела на неё внимательнее.

— Например?

Лада не ответила сразу.

Она могла бы перечислить многое. Не звонить первой мужчине, который понравился сильнее, чем следовало. Не оставаться на ночь, если вдруг хотелось остаться до утра. Не говорить «я скучала», если эти два слова могли сделать её слабее. Не спрашивать «когда увидимся», когда хотелось спросить.

Но всё это совершенно не подходило к образу женщины, которую окружающие считали бесстрашной.

— Например, устриц, — сказала она. — Я запрещаю себе устриц.

— Трусиха.

И снова они рассмеялись.

Музыка стала громче. В зале приглушили свет, и на небольшом пространстве между столиками начали танцевать несколько пар. Лада никогда не понимала людей, которые приходили в ресторан, где можно танцевать, и весь вечер дисциплинированно сидели за столом.

Она встала.

— Пойдём.

Майя даже не спросила куда.

Через минуту они уже танцевали.

В этом тоже была их старая привычка: не ждать, пока кто-нибудь пригласит. Если хотелось танцевать — они вставали и танцевали. Если хотелось уйти — уходили. Если мужчина нравился — могли дать это понять без многочасовой игры в холодность.

Когда-то, лет в двадцать, Майя сказала, что женщины слишком много времени тратят на то, чтобы выглядеть так, будто им ничего не хочется.

Лада эту фразу запомнила.

Синий пиджак подошёл к ним через несколько минут.

— Можно?

Он обращался к Ладе.

Она слегка наклонила голову.

— Можно что?

Мужчина замешкался, но быстро улыбнулся.

— Потанцевать.

— Уже танцую.

Майя отвернулась, скрывая улыбку.

— Тогда вместе, — не сдался он.

Лада оценила настойчивость.

— Это уже конкретнее.

Мужчина протянул руку.

— Антон.

— Лада.

— Именинница?

— Настолько заметно?

— Вам весь вечер что-то дарят.

— Хорошее наблюдение.

Он танцевал спокойно, без попыток сразу прижать её ближе. Это Ладе понравилось. Не понравилось другое: через две минуты он спросил, с кем она пришла, через три — есть ли у неё мужчина, через четыре — где она живёт.

На пятой минуте она вернулась к Майе.

— Быстро, — заметила та.

— Анкета закончилась.

— Чем не подошёл?

— Через семь минут он бы спросил девичью фамилию матери и номер паспорта.

Антон остался у стойки, явно не понимая, как знакомство могло оборваться так быстро.

Майя посмотрела на него через плечо.

— Зато красивый.

— Красивых много.

— Умных меньше.

— Вот поэтому надо экономить время.

К полуночи гостей стало больше. Кто-то приехал позже, кто-то привёл друзей. На столе появились цветы, коробки, маленькие пакеты с подарками. Лада принимала поздравления легко, не изображая смущения. Ей действительно нра-

вилось, когда её поздравляли, смотрели на неё, поднимали бокалы в её честь.

— У тебя патологическая любовь к вниманию, — сказала Майя, когда очередной знакомый ушёл звонить по телефону.

— Конечно.

— И даже спорить не будешь?

— Зачем? Люблю внимание. Люблю красивые вещи. Люблю мужчин. Люблю деньги. Люблю, когда мне хорошо. Что из этого нужно срочно отрицать?

— Ничего. Просто иногда принято делать вид, что женщине всё это безразлично.

— Кто это придумал?

— Люди, которым самим ничего не досталось.

Лада подняла бокал.

— За них. Пусть сегодня им тоже что-нибудь достанется. Они снова чокнулись.

За столиком неподалёку сидели три женщины примерно их возраста. Лада замечала их и раньше. Одна — светловолосая, в закрытом тёмно-зелёном платье — несколько раз посмотрела в их сторону. Сначала Лада решила, что просто показалось. Потом женщина что-то сказала подругам, и все трое одновременно взглянули на Ладу и Майю.

— У нас поклонницы, — тихо произнесла Майя.

— Где?

— На два часа.

Лада посмотрела.

Светловолосая женщина тут же отвела глаза.

— Может, хотят познакомиться.

— С таким лицом обычно хотят не познакомиться, а осудить.

— Тоже форма интереса.

Они забыли о них почти сразу.

Через полчаса Игорь предложил перейти в бар этажом выше. Часть компании поддержала идею. Лада осталась допить бокал, пока Майя собирала со стула сумочку и пиджак.

Именно тогда она услышала.

— Посмотри на этих двух, — сказала женщина за соседним столиком достаточно тихо, чтобы фраза считалась частной, и достаточно громко, чтобы её можно было услышать. — Весь вечер на мужчин вешаются. Ни стыда ни скромности.

Вторая женщина что-то ответила, но Лада не разобрала. Зато следующая фраза прозвучала отчётливо:

— Бесстыдницы.

Майя замерла.

Она медленно подняла глаза на Ладу.

— Только не начинай.

— Я?

— Именно ты.

— Я ничего не делаю.

— У тебя лицо человека, который сейчас что-то сделает.

Лада взяла со стола бокал.

— Ничего страшного.

— Лада.

Но та уже повернулась к соседнему столику.

Три женщины замолчали.

Лада не выглядела злой. Это было хуже. Она улыбалась.

— Простите, — сказала она. — Я случайно услышала.

Светловолосая напряглась.

— Мы разговаривали между собой.

— Конечно. Просто слово понравилось.

— Какое?

Лада подняла бокал чуть выше.

— Бесстыдницы.

Женщина покраснела.

— Если вы подслушиваете чужие разговоры, это не моя проблема.

— Совершенно согласна.

Майя подошла ближе и тихо произнесла:

— Пойдём.

Но Лада не двигалась.

— Я хотела поблагодарить, — продолжила она. — Очень хорошее слово.

— Не вижу, за что благодарить.

— А я вижу. Обычно люди долго придумывают названия.

А у нас получилось бесплатно.

Женщина нахмурилась.

— Названия чего?

Лада на секунду задумалась, будто вопрос был действительно серьёзным.

Потом повернулась к Майе.

— Нашего клуба.

— Какого ещё клуба? — не удержалась Майя.

— Которого пока нет.

Майя закрыла глаза ладонью.

— Боже.

Лада снова посмотрела на женщин.

— Спасибо. Правда.

Она подняла бокал.

— За бестыдниц.

На несколько секунд повисла тишина.

И вдруг Майя рассмеялась.

Не вежливо, не сдержанно — громко, до слёз. Смех оказался заразительным. Игорь, который ничего не понял, тоже засмеялся, остальные стали спрашивать, что произошло.

Лада вернулась к своему столу и подняла бокал выше.

— Господа, новый тост.

— Опять? — сказал Игорь.

— Последний.

— Ты так уже говорила.

Лада посмотрела на Майю. Та всё ещё улыбалась.

— За женщин, которым не приходится притворяться хуже, тише или глупее, чем они есть.

— Это длинный тост, — заметила Майя.

— Тогда короче. За бестыдниц.

— За бестыдниц! — повторил Игорь, явно довольный новым словом.

Бокалы звякнули.

Лада выпила шампанское и вдруг почувствовала странное, почти детское удовольствие. Не от того, что удалось ответить незнакомке. И даже не от внимания окружающих.

Слово действительно понравилось ей.

Бестыдница.

В нём было что-то вызывающее, но одновременно освоенное. Как будто кто-то пытался бросить в неё камень, а она поймала его и решила носить вместо украшения.

— Мне кажется, ты сейчас придумала себе новую религию, — сказала Майя, когда они поднимались по лестнице в бар.

— Лучше.

— Что может быть лучше религии?

— Клуб.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Майя остановилась на ступеньке.

— И что делают в твоём клубе?

Лада тоже остановилась.

Внизу мерцали ресторанные огни, слышались музыка, звон бокалов и чужой смех. За окнами город жил своей огромной ночной жизнью, в которой кто-то сейчас призна-

вался в любви, кто-то изменял, кто-то уходил, кто-то впервые решался сделать то, что давно хотел.

Лада улыбнулась.

— Пока не знаю.

— Очень продуманная концепция.

— Главное — название есть.

Они пошли дальше.

У двери бара Майя вдруг спросила:

— Тебя правда не задело?

— Что именно?

— То, что она сказала.

Лада хотела привычно отмахнуться.

Но почему-то задержалась с ответом.

— Нет, — сказала она наконец. — Знаешь, что меня задевает? Когда человек хочет чего-то и всю жизнь не делает только потому, что кто-нибудь может плохо подумать.

— А если плохо подумают о тебе?

— Пусть.

Майя внимательно посмотрела на неё.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что всегда так думаю.

— Это не одно и то же.

Лада усмехнулась.

— Сегодня мой день рождения. Не начинай психоанализ.

— Хорошо.

Майя открыла дверь.

Из бара ударила музыка.

— Идём, бестыдница.

Лада первой шагнула внутрь.

— После вас, коллега.

Глава 2. Лето без стыда

Из ресторана они вышли далеко за полночь.

Москва ещё не спала. Тёплый воздух пах пылью, липами и чем-то сладким из открытого окна кондитерской напротив. По Садовому шли редкие машины, и после музыки, света, разговоров и чужих взглядов улица показалась почти тихой.

Лада остановилась у бордюра, сняла туфли и взяла их за тонкие ремешки.

— Всё, — сказала она. — Мои ноги объявили забастовку. Майя рассмеялась.

— Ты сама выбрала каблуки, на которых можно только стоять красиво и умирать.

— Зато красиво.

— Ты даже умираешь с концепцией.

Лада посмотрела на неё и снова засмеялась. В ресторане она слышала много комплиментов, но сейчас ей почему-то было легче именно от этой знакомой насмешки. Майя никогда не восхищалась ею по обязанности. Если платье сидело плохо — говорила. Если мужчина казался скучным — говорила. Если Лада начинала играть слишком явно — тоже говорила.

Наверное, поэтому они и продержались рядом почти десять лет.

Они пошли пешком, хотя такси можно было вызвать за

минуту. Ночь была слишком хороша, чтобы сразу разъезжаться по домам.

— Значит, «бесстыдницы», — сказала Майя.

Лада покосилась на неё.

— Ты всё ещё об этом?

— А ты нет?

— Я думаю, это шикарно.

— Конечно. Тебя оскорбили, а ты уже придумала название клуба.

— Именно поэтому меня трудно оскорбить.

Майя промолчала.

Лада знала это её молчание. Оно означало, что спор ещё не начался, но уже стоит на пороге.

— Ну? — спросила она.

— Ничего.

— Майя.

— Просто иногда мне кажется, что ты слишком стараешься показать, что тебя ничего не задевает.

Лада остановилась.

— Меня действительно многое не задевает.

— Я не сказала «многое». Я сказала «ничего».

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Лада пожала плечами.

— Хорошо. Иногда задевает. Но я не обязана устраивать из этого трагедию.

— Уже лучше.

— И вообще, сегодня мой день рождения. Ты не имеешь права заниматься психоанализом без подарка.

— Подарок был.

— Серьги не считаются. Мне нужен моральный ущерб наличными.

Они снова пошли.

Через квартал Майя заметила круглосуточное кафе с несколькими столиками на улице. Там почти никого не было: пожилой мужчина читал что-то в телефоне, двое студентов делили пиццу, официант лениво протирал соседний стол.

— Кофе? — спросила Майя.

— В два часа ночи?

— Ты уже выпила шампанское, вино и коктейль, название которого не смогла произнести. Кофе будет самым разумным поступком вечера.

— Вот потому я его и не хочу.

Но всё-таки они сели.

Лада устроилась босиком, вытянув ноги под столом. Майя заказала двойной эспрессо, Лада — чай с мятой, после чего долго смотрела на неё с выражением человека, который сам не ожидал от себя такой осторожности.

— Ужас, — сказала она. — Тридцать один год. Начинаю выбирать чай.

— Ещё пара лет — и купишь ортопедическую подушку.

— Я тебя ненавижу.

— Нет.

— Это самое страшное.

Официант поставил напитки и ушёл. Лада обхватила чашку ладонями. В ресторанным шуме разговор о слове «бесстыдницы» был шуткой. Здесь, среди ночи, он почему-то становился серьёзнее.

— А ведь смешно, — сказала она. — Нас называли бестыдницами только потому, что мы громко смеялись, танцевали и не выглядели виноватыми.

— Ещё потому, что ты предложила тому мужчине за соседним столом перестать смотреть на твоё декольте украдкой и делать это честно.

— Я помогла человеку перестать лицемерить.

— Его жена была в восторге.

— Она смотрела на меня так, словно я разрушила их брак за двадцать секунд.

Майя размешала сахар, хотя обычно пила кофе без него.

— Людей раздражает не свобода, — сказала она. — Их раздражает, когда кто-то делает то, что они себе запрещают.

Лада прищурилась.

— Это ты сейчас умную мысль сказала или цитату для своей будущей выставки?

— Не знаю. Запиши на салфетке, потом разберёмся.

Лада взяла бумажную салфетку и ручку из сумки.

— Диктуй.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Она написала крупно: «Людей раздражает не свобода. Их раздражает, когда кто-то делает то, что они себе запрещают».

Ниже поставила дату.

— И что ты с этим будешь делать? — спросила Майя.

— Хранить. Когда станешь знаменитой, продам.

Майя закатила глаза.

Лада сложила салфетку и убрала в сумку.

— Знаешь, что мне сегодня пришло в голову? — сказала она.

— Опасный вопрос.

— Мы постоянно что-то откладываем.

— Например?

— Всё. Поездки. Желания. Мужчин иногда.

— Мужчин ты особенно долго откладываешь.

— Не перебивай. Я серьёзно. «Это неприлично». «Это глупо». «А вдруг подумают». «А вдруг потом пожалею». Жизнь всё время состоит из каких-то чужих «а вдруг».

— Иногда эти «а вдруг» спасают от очень плохих решений.

— А иногда от единственных хороших.

Майя посмотрела на неё поверх чашки.

— К чему ты ведёшь?

Лада поставила локти на стол.

— Давай устроим лето без стыда.

— Звучит как название дешёвого реалити-шоу.

— Зато ты сразу поняла концепцию.

— Я боюсь уточнять.

Лада подалась вперёд.

— До конца лета мы не отказываемся от того, чего действительно хотим, только потому, что «так не принято».

— Например?

— Хотим уехать на море без плана — уезжаем. Хотим познакомиться с мужчиной — знакомимся. Хотим первой позвонить — звоним. Хотим уйти с вечеринки — уходим. Хотим купить нелепое платье — покупаем.

— Прекрасно. Банкротство, курортный роман и нелепое платье.

— Ты опять всё испортила рациональностью.

— А если я захочу постричься налысо?

— Я тебя свяжу.

— Значит, уже не абсолютная свобода.

— Нет. Дружба выше свободы.

Майя рассмеялась.

Лада была довольна: она уже видела, что подруга заинтересовалась, хотя и делала вид, будто оценивает идею исключительно как психически здоровый человек оценивает опасный эксперимент.

— Нет, подожди, — сказала Майя. — Нужно определить, что значит «хотим». Потому что иногда человек хочет написать бывшему в три утра. Это не желание, это алкоголь и слабость.

— Согласна.

— Иногда хочется потратить половину зарплаты на сумку.

— Это, наоборот, настоящее желание.

— Лада.

— Ладно. Нужно какое-то правило.

Майя взяла вторую салфетку и ручку.

— Пишем.

— Ты только что смеялась над моей салфеткой.

— Я не смеялась. Я документировала твоё безумие.

Вверху Майя написала: «Лето без стыда».

Лада посмотрела на слова и неожиданно почувствовала детское возбуждение — словно впереди действительно начиналось что-то новое, хотя пока они всего лишь сидели ночью в кафе и рисовали план на тонкой бумаге.

— Первое, — сказала Майя. — Не делать ничего против закона.

— Скучно.

— Зато полезно.

— Пиши.

— Второе. Не делать того, что сознательно причиняет вред другому человеку.

Лада задумалась.

— Слишком широко. Любой отказ может кому-то причинить вред.

— Хорошо. Не использовать людей намеренно.

— Уже лучше.

Майя записала.

— Третье, — сказала Лада. — Не делать вид, что не хочешь, если хочешь.

Майя подняла глаза.

— Вот это уже интересно.

— Например, если мужчина понравился, не надо ждать трое суток, прежде чем ответить, чтобы выглядеть загадочно.

— Ты иногда отвечаешь через семь минут и всё равно выглядишь как катастрофа.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

— Тогда принимается.

Майя записала третье правило.

— Четвёртое, — продолжила она. — Не оставаться там, где плохо, только потому, что неудобно уйти.

Лада сразу кивнула.

— Да. С работы, со свидания, из компании, из отношений.

Майя на секунду задержала ручку над салфеткой.

— Из отношений — особенно.

Лада заметила паузу, но ничего не сказала.

За десять лет дружбы у Майи было несколько романов, и почти каждый заканчивался одинаково: она уходила первой. Иногда внезапно, иногда красиво, иногда так быстро, что мужчины не успевали понять, что произошло. Майя называла это умением вовремя закрывать дверь.

Лада иногда думала, что дело не в двери.

Но подруга терпеть не могла вопросы, на которые сама ещё не знала ответа.

— Пятое, — сказала Лада. — Хотя бы одно настоящее безумство.

— Определение «безумства»?

— Что-то, чего мы раньше никогда бы не сделали.

— Прыжок с парашютом?

— Нет.

— Почему?

— Я хочу лето без стыда, а не без жизни.

— Тогда спонтанная поездка.

— Уже лучше.

— Куда?

— Вот поэтому она и спонтанная.

Майя улыбнулась и записала: «Сделать то, что давно хотелось, но казалось слишком несерьёзным».

Они замолчали.

Список выглядел почти законченным.

Лада потянулась за салфеткой, но Майя прижала её пальцами к столу.

— Нет. Не всё.

— Что ещё?

Майя стала серьёзной.

— Главное правило.

Лада сразу поняла, что сейчас речь будет уже не о платьях, поездках и мужчинах.

— Какое?

— Мы можем делать всё это только при одном условии.

— Ты сейчас поставишь лимит по алкоголю?

— Не уходи в шутки.

Лада чуть подалась назад.

— Хорошо. Говори.

Майя положила ручку рядом с салфеткой.

— Никакой лжи между нами из-за мужчины.

Несколько секунд Лада молчала.

Потом усмехнулась.

— Как торжественно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Неважно, кто появится. Неважно, понравится ли он одной из нас или обеим. Неважно, будет ли это глупая история на одну ночь или что-то серьёзное. Мы не врём друг другу.

Лада посмотрела на неё внимательнее.

— С чего вдруг такая конкретика?

— Потому что всё остальное мы и так переживём.

— А мужчина разрушит десятилетнюю дружбу?

— Мужчина — нет. Ложь может.

Эта фраза прозвучала неожиданно тяжело.

Лада опустила глаза на салфетку.

В их дружбе действительно было почти всё: зависть, обиды, периоды, когда одна зарабатывала больше другой, неудачные отношения, переезды, смерть Майиной бабушки,

болезнь Ладиной матери, ссоры из-за денег, поздние звонки, чужие мужчины, которые пытались разделить их время. Но чего между ними почти не было — так это серьёзной лжи.

Они могли не сказать сразу.

Могли промолчать день.

Могли дать друг другу возможность остыть.

Но в конце всё равно говорили правду.

Лада протянула руку.

— Дай ручку.

Майя передала.

Лада написала крупнее остальных пунктов:

«НИКАКОЙ ЛЖИ ДРУГ ДРУГУ ИЗ-ЗА МУЖЧИНЫ».

Потом поставила под словами жирную черту.

— Вот, — сказала она. — Теперь достаточно серьёзно?

— Почти.

— Что ещё?

— Подпись.

Лада рассмеялась.

— Ты ненормальная.

— Подписывай.

Лада расписалась внизу, почти как в банковском документе. Майя поставила свою подпись рядом.

Они посмотрели на салфетку.

— Если кто-нибудь увидит, — сказала Лада, — решит, что мы две школьницы.

— Если кто-нибудь увидит, ты скажешь, что это совре-

менное искусство.

— И продам за сто тысяч.

— Тогда половина моя.

Лада убрала салфетку в сумку рядом с первой.

— С этого момента договор вступает в силу.

— Сегодня?

— Конечно.

— Сейчас два двадцать семь.

— Тем более. У нас уже украли два с половиной часа лета без стыда.

Майя покачала головой.

— Мне начинает казаться, что ты просто ищешь официальное разрешение делать всё, что и так делаешь.

Лада подняла палец.

— Ошибка. Я ищу разрешение делать то, что обычно не делаю.

— Что именно?

На этот раз Лада ответила не сразу.

На противоположной стороне улицы молодая пара спорила возле машины. Девушка жестикулировала, мужчина стоял с руками в карманах. Через несколько секунд она развернулась и пошла прочь. Он не двинулся за ней.

Лада смотрела на них чуть дольше, чем требовалось.

— Например, — сказала она, — не притворяться, что мне всё равно, если мне не всё равно.

Майя медленно поставила чашку.

— А это уже не похоже на тебя.

— В этом и смысл.

— Даже страшно.

— Мне тоже.

Майя улыбнулась.

— Значит, подходит.

Они расплатились и снова вышли на улицу.

До дома Майи было ближе, и Лада решила проводить её.

Туфли она так и несла в руке. Асфальт был ещё тёплым после жаркого дня, и босые ступни чувствовали каждую мелкую трещину.

— Только давай без идиотизма, — сказала Майя. — Наш договор не означает, что мы обязаны превращать каждую неделю в катастрофу.

— Конечно нет.

— И если я не хочу знакомиться с женщиной, я не обязана знакомиться только ради концепции.

— Разумеется.

— И ты тоже.

— Да.

— И никакой конкуренции.

Лада задержала на ней взгляд.

— Между нами?

— Вообще. За мужчин, за внимание, за то, кто красивее вошёл в помещение.

Лада усмехнулась.

— Ты сейчас разрушила половину женской цивилизации.

— Она переживёт.

Они дошли до перекрёстка. Светофор мигал жёлтым. Машин почти не было.

Майя вдруг остановилась.

— Я ещё кое-что придумала.

— Опять правило?

— Нет. Проверка.

— Какая?

— Если хочешь что-то сделать и единственная причина отказать — «что обо мне подумают», значит, делаешь.

Лада несколько секунд обдумывала.

— Мне нравится.

— А если причина «мне не хочется» — не делаешь.

— Ещё больше нравится.

— А если причина «это опасно» — включаешь голову.

— Майя, пожалуйста. Мы пытаемся стать бестыдницами, а не участницами семинара по технике безопасности.

— Одно другому не мешает.

Лада вытянула руку.

— Договорились.

Майя пожала её.

— Договорились.

Они перешли дорогу.

Возле Майиного дома стоял мужчина с маленькой белой собакой. Он был лет тридцати пяти, высокий, в светлой фут-

болке и джинсах. Собака тянула поводок к Ладе и Майе, явно считая их важным событием ночи.

— Простите, — сказал мужчина, удерживая её. — Она считает, что все люди вышли из дома специально ради неё.

— Умная женщина, — сказала Лада.

Мужчина улыбнулся.

— Особенно если ей говорят комплименты.

Майя наклонилась погладить собаку. Та немедленно перевернулась на спину.

— Вот, — сказала Майя. — Абсолютное доверие к миру.

— До первого ветеринара, — ответил мужчина.

Они рассмеялись.

Лада заметила, как он смотрит на Майю. Не нагло, не оценивающе — просто с явным интересом.

Майя тоже заметила.

Раньше она бы вежливо попрощалась и пошла к подъезду.

Сейчас Лада ничего не сказала. Только подняла брови.

Майя бросила на неё короткий взгляд.

«Что обо мне подумают?»

Проверка началась быстрее, чем они ожидали.

— Как её зовут? — спросила Майя, кивнув на собаку.

— Луна.

— Красивое имя.

— А вас?

Майя едва заметно улыбнулась.

— Майя.

Лада отвернулась, чтобы не рассмеяться.

Через минуту мужчина уже доставал телефон. Майя продиктовала номер спокойно, без кокетства, словно делала это всю жизнь. Хотя Лада знала: первой оставлять номер незнакомцу на улице Майя терпеть не могла.

Когда они отошли к подъезду, Лада прошептала:

— Бестыдница.

— Заткнись.

— Ты дала номер человеку через две минуты.

— Его собаке я доверяю.

— Прекрасная основа для отношений.

— Иди домой.

Лада обняла её.

— Завтра созвонимся.

— Не раньше двенадцати.

— В одиннадцать пятьдесят девять.

— Я заблокирую тебя.

— Ты не умеешь жить без меня.

— К сожалению.

Лада уже повернулась, но Майя окликнула её.

— Лад.

— Что?

Майя стояла у двери подъезда, всё ещё босая после того, как тоже сняла туфли несколько минут назад.

— Мы правда это делаем?

Лада посмотрела на свою сумку, где лежала сложенная

вчетверо салфетка с правилами.

— Да.

— Всё лето?

— Всё лето.

— И честно?

Лада улыбнулась.

— Особенно честно.

Майя кивнула и скрылась за дверью.

Лада осталась одна.

Она вызвала такси, надела туфли и сразу снова сняла — уже из принципа. Машина должна была приехать через семь минут.

Лада села на низкий каменный бортик возле клумбы и достала телефон.

На экране было три непрочитанных сообщения.

Одно от бывшего коллеги.

Одно от мужчины, с которым она пару раз ужинала весной и потом перестала отвечать.

И одно от номера без имени.

«С днём рождения. Всё-таки решил написать. Роман».

Лада смотрела на сообщение долго.

Слишком долго для человека, которому всё равно.

Имя ударило не болью — памятью о боли. Как старый шрам, который уже не мешает жить, но иногда начинает ныть перед переменой погоды.

Роман.

Человек, после которого она когда-то решила, что любовь — это слишком дорогая форма зависимости.

Она провела пальцем по экрану, собираясь удалить сообщение.

Потом остановилась.

«Не притворяться, что мне всё равно, если мне не всё равно».

Лада усмехнулась.

Салфетка в сумке уже начинала работать против неё.

Она открыла переписку.

Ничего не ответила.

Но и не удалила.

Впервые за несколько лет ей стало интересно не то, зачем он написал.

А то, почему её это всё ещё волнует.

Подъехало такси.

Лада села на заднее сиденье и назвала адрес.

Машина тронулась.

За окном медленно поплыла ночная Москва — окна, фонари, редкие прохожие, летние веранды, где кто-то ещё продолжал чужой вечер.

Лада на мгновение прикрыла веки.

Лето без стыда началось.

И пока ни одна из них не знала, что самым трудным окажется вовсе не делать то, чего они хотят.

Самым трудным будет однажды сказать друг другу прав-

ду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.